

Когда они вдвоем поспешили в павильон Циндай, внутри уже было много людей. Однако все они были странно спокойны. Слышались только жалобные рыдания женщины. Линь Цинъюй втолкнул кресло с Лу Ваньчэном во двор. Несколько человек крикнули: «Молодой мастер, шаоцзюнь». Но после этого они снова испуганно замолчали. Что бы они ни думали в душе, выражения их лиц были такими же, как у участников похоронной процессии.

Две момо вытолкнули из внутренней комнаты женщину в неприлично распахнутой одежде и с растрепанными волосами. Линь Цинъюй узнал в ней одну из женщин, игравших в этот день на пипе. Она машинально придерживала свой тонкий халат. Большое темное пятно испачкало ее нижнее белье* с вышивкой в виде утки-мандаринки. Видимо, это была еще не высохшая кровь.

[Примечание: 亵 / dùdōu, традиционное китайское нижнее белье для девочек (лифчик). В частности, нижнее белье, прикрывающее грудь и живот.]

Во внутренней комнате Лян Ши, Лу Няньтао и лекарь Чжан собрались у кровати. Лян Ши потеряла голос от слез. Линь Цинъюй был счастлив, видя ее убитой горем, по ее лицу обильно текли слезы и сопли. Сравнительно более умная Лу Няньтао умудрялась оставаться довольно сдержанной. Ее глаза просто покраснели, когда она вытерла кровь с уголка рта младшего брата.

«Цяосун, сын мой... Цяосун..!»

Увидев это, Хуа Лу не смогла сдержать ворчания в своем сердце. В прошлом, когда молодой хозяин был при смерти, мадам также сидела у его кровати, плача так, что это делало ее воплощением плачущей красавицы*, в полном соответствии с этикетом. Кто бы мог подумать, что она может так плакать и выть, когда ее собственный сын вот-вот умрет? Она могла даже посоревноваться с Цю-момо.

[Примечание: 梨花带雨 / líhuā dài yǔ. 1) дождем осыпаются цветы груши; 2) красавица льет слезы, слезы красавицы льются ручьем, красавица заливается слезами.]

Пань Ши составляла компанию Наньань Хоу во внешней комнате. В конце концов, с его родным сыном произошел несчастный случай, и вдобавок ко всему, это было нечто настолько постыдное. Выражение лица Наньань Хоу было серьезным, и он казался еще более измученным. Его обычные напористость и энергичность исчезли.

Увидев двоих вошедших, Пань Ши сказала: «Молодой господин и шаоцзюнь здесь».

Наньань Хоу медленно поднял голову. Он увидел своего сидящего в инвалидном кресле старшего сына в одежде для сна и с накинутым на плечи плащом. Его сердце заболело еще сильнее. У него было всего два сына. Никто не мог сказать, как долго проживет старший, а теперь, может быть, младшего сына тоже не станет?

Видя, что Наньань Хоу ничего не сказал, Пань Ши покачала головой, жестом приглашая их в

боковую комнату, чтобы они могли поговорить. Когда их осталось трое, Лу Ваньчэн спросил, уже зная ответ: «Что происходит? Третий брат и та женщина, которую только что вытолкнули..?»

Пань Ши посмотрела на Линь Цинъюй, и на ее лице отразились благоговейный трепет и почтение.

Количество артистов в павильоне Циндай должно было сократиться вдвое. Для того чтобы остаться в резиденции, эти домашние проститутки придумали все возможные способы выслужиться. Была певица, которой в прошлом Лу Цяосун иногда позволял прислуживать ему между простынями. Недавно хозяин перестал звать ее. Она думала, что Лу Цяосун устал от нее и захочет выгнать из резиденции. Чтобы вернуть расположение хозяина, она должна была принять меры.

Мужчины любят новизну и свежесть. Она доверила деньги, которые копила годами, молодому слуге, чтобы тот принес ей извне что-нибудь, что могло бы помочь повысить интерес господина. Это что-то было чем-то вроде благовоний; после зажигания аромат был сладким, но не приторным. Пахло очень приятно. Она не осмеливалась использовать слишком много средства. Она просто окурила свою одежду благовониями, прежде чем отправиться прислуживать Лу Цяосуну. Конечно же, тот был привлечен ароматом ее тела и прямо на месте перенес ее на стол.

После этого Лу Цяосун снова души в ней не чаял. Она надеялась родить детей Лу Цяосуна, предпочтительно больше сыновей, чем дочерей, что позволит ей в будущем оставаться в резиденции в качестве наложницы. Но Лу Цяосун только что получил выговор от Наньань Хоу, и в его сердце все еще оставался страх. Он также испытывал опасения по поводу своего здоровья и не осмеливался быть таким же несдержанным, как в прошлом. Сегодня он и его друзья-поэты собрались повеселиться в резиденции. Может быть, из-за того, что им было слишком весело, он не следил за тем, сколько пьет, и выпил слишком много чаш. К тому времени, когда он вернулся в павильон Циндай, то был готов потерять сознание от опьянения.

Любимая певица осталась в комнате Лу Цяосуна, чтобы присмотреть за ним. Посреди ночи Лу Цяосун проснулся, чувствуя жажду. Он выпил чай и уже собирался снова заснуть, когда его необъяснимо возбудил вид красивой женщины рядом с ним и едва различимый запах ее тела. Говорят, что пьяные люди не могли хорошо показать себя в постели, но он не мог сдержаться. Он почувствовал прилив мужественности и поклялся вернуть себе былую славу. До тех пор... пока сцена перед ним не начала расплываться, в носу потеплело, и из него обильно потекла кровь. А потом кровь потекла и из уголков его рта...

«Лекарь Чжан сейчас лечит третьего молодого мастера, — сказала Пань Ши. — Судя по выражению его лица, ситуация не кажется оптимистичной».

Линь Цинъюй рассмеялся: «Очень жаль».

Жаль, что он не смог увидеть кровь, хлещущую из семи отверстий Лу Цяосуна. Это, вероятно,

было бы даже лучшим зрелищем, чем вид Лян Ши сейчас.

В это время из внутренней комнаты вышел лекарь Чжан. Наньань Хоу поспешно спросил: «Как обстоят дела?»

Лекарь Чжан закрыл глаза и покачал головой.

«Нет, нет... Цяосун, Цяо...» — Лян Ши вскрикнула и упала на пол. Она неожиданно потеряла сознание.

Лу Няньтао поддержала ее и, задыхаясь от рыданий, позвала: «Мама!»

Лу Ваньчэн повернул голову и схватил Линь Циньюй за рукав, вытирая несуществующие слезы.

«Третий брат, мой третий брат! Ты боялся, что я буду слишком одинок, когда придет „время“, поэтому пошел вперед, чтобы разведать путь для меня?..»

Линь Циньюй, показывая небольшое отвращение, отдернул рукав.

«Плачь в свой рукав».

Лу Ваньчэн прошептал: «Хорошо. — Затем он поднял рукав и спрятал лицо. — Воды Западного озера, слезы мои*... Мой третий брат...»

[Примечание: Это слова из песни-темы (Ожидание тысячи лет) драмы 1992 года «Легенда о госпоже Белой змейке».]

Глаза Наньань Хоу покраснели, он спросил: «Лекарь, неужели действительно нет другого выхода?»

Лекарь Чжан вздохнул и ответил: «Мои способности скромны, а знания поверхностны. Я надеюсь, что мастер Хоу сможет сдержать свое горе*».

[Примечание: Китайская версия «Мои соболезнования...»]

Наньань Хоу, казалось, потерял все силы. Он невольно сделал шаг назад и тяжело опустился на стул.

Линь Цинъюй уже почти насытился просмотром этой драмы. Он шагнул вперед и сказал: «Мастер Хоу, вы позволите мне попробовать?»

Лу Ваньчэн поднял глаза.

«Цинъюй?»

Тогда Наньань Хоу вспомнил, что его невестка происходил из семьи известных лекарей. Хотя у него больше не было никакой надежды, он решил обращаться с мертвой лошадью как с живой и махнул рукой, приглашая Линь Цинъюй войти.

Увидев, что он приближается к Лу Цяосуну, Лу Няньтао инстинктивно встала у него на пути. Линь Цинъюй спокойно посмотрел на девушку. Лу Няньтао прикусила губу и, наконец, отступила в сторону.

Лежащий на кровати Лу Цяосун уже приближался к своему концу, он был на последнем издыхании. В конце концов, он и Лу Ваньчэн были сводными братьями, у которых был один и тот же отец, поэтому в их внешности было слабое сходство. Однако, даже когда Лу Ваньчэн

был тяжело болен и выглядел просто изнеможенным, он все равно выглядел намного лучше, чем его младший брат сейчас.

Линь Цинюй приоткрыл веки Лу Цяосуна и взглянул, затем он проверил его пульс, и спокойно сказал: «Его жизнь можно сохранить».

Глаза Наньань Хоу загорелись от радости.

«Правда?»

Линь Цинюй добавил: «Однако, я боюсь, что в будущем он больше не сможет иметь детей».

Наньань Хоу как будто ударила молния, и он дрожащим голосом сказал: «Что ты имеешь в виду, говоря, что он не сможет иметь детей?!»

Линь Цинюй сказал: «Одним словом, он „иссох“ – если бы его отправили во дворец в качестве евнуха, то его даже не нужно было бы кастрировать. Мастер Хоу, я все еще должен спасти его?»

Лу Нянтао с тревогой сказала: «Конечно, мы должны спасти его! Сначала сохрани ему жизнь!»

Наньань Хоу закрыл глаза и тяжело выдохнул: «Спаси его».

После половины ночи метаний небо почти посветлело. Когда Линь Цинюй закончил иглоукалывание для Лу Цяосуна, то увидел, что Лу Ваньчэн все еще ждет его. Сидя в инвалидном кресле, укрытый тонким одеялом, он ждал так долго, что его клонило в сон, и он начал клевать носом.

Линь Цинюй поддержал его щеку и сказал: «Пойдем».

Лу Ваньчэн потер глаза и сказал: «Ты закончил?»

«Угу».

Увидев слой пота на лбу Линь Цинюй, Лу Ваньчэн спросил: «Почему ты решил спасти его?»

«Я передумал. — Линь Цинюй выглядел холодно. — Гораздо интереснее наблюдать, как он будет влачить жалкое существование, живя хуже собаки и свиньи, чем просто наблюдать, как он умирает».

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Действительно».

Бедствия обрушивались на резиденцию Наньань Хоу одно за другим. Всего через несколько дней на висках Наньань Хоу начала появляться седина. Он отказывался смотреть на Лу Цяосуна, обращаясь с тем так, как будто у него не было этого сына.

Как только Лян Ши пришла в сознание, то, услышав, что ее сын стал импотентом, крайний гнев довел ее до болезни, и она даже не могла встать с постели.

Сам Лу Цяосун все свое время проводил, пытаясь покончить с собой. Он отказался принимать лекарство, и его душевное и телесное здоровье были подорваны.

Только одна Лу Нянтао осталась, чтобы поддерживать и заботиться как о матери, так и о брате.

Лу Ваньчэн закончил есть дыню и сказал: «Цинюй, это твоё поднимающее настроение лекарство довольно сильное. В тот день Лу Цяосун был настолько пьян, но ты все равно смог заставить его возбудиться. Ты действительно достоин восхищения».

Линь Цинюй сказал: «С ним было бы все в порядке, если бы он не пил алкоголь. Алкоголь активизировал свойства лекарства в его организме».

Лу Ваньчэн спросил: «Ты сам разработал это лекарство?»

«Угу».

«Тогда ты великолепно разбираешься в этом, — сказал Лу Ваньчэн, и как бы невзначай продолжил: — Раньше ты когда-нибудь...»

Линь Цинюй посмотрел на него.

«О чем ты хочешь спросить?»

«Ну, я слышал, что молодые хозяева большинства больших семей достигают совершеннолетия примерно в пятнадцать-шестнадцать лет. Тогда у них может быть служанка, обслуживающая их в комнате. Тебе нравятся девушки, верно? Тогда ты... Э-э... кха-кха. — Лу Ваньчэн дошел до середины, прежде чем поперхнулся. Он махнул рукой и сказал: — Забудь об этом, забудь об этом. Забудь, что я что-то говорил».

Лу Ваньчэн выглядел таким запутавшимся, что Линь Цинюй захотелось рассмеяться.

«Нет».

Уголки губ Лу Ваньчэна изогнулись.

«Нет?»

«У моего отца есть только моя мать, и я думаю, что это очень хорошо. Так что я не хочу, чтобы в моем доме был способный устроить беспорядок человек».

Лу Ваньчэн был преисполнен глубокого почтения. Похлопав Линь Цинью по плечу, он сказал: «Твое мышление очень опережает время. Сюнди, продолжай в том же духе - и твое будущее будет многообещающим».

Линь Цинью спросил: «А как насчет тебя?»

«Я? Посмотри на мое тело. Как я мог это сделать?»

Линь Цинью кивнул, выражение его лица было немного неловким.

«Не стесняйся, Цинью. Для парней нормально обсуждать такие вещи. — Лу Ваньчэн улынулся. — Ох, я такой жалкий, я умру девственником».

Линь Цинью: «...»

«Скажи, как ты думаешь, каково это? — Лу Ваньчэну было немного любопытно. — Почему они все так увлечены этим? Разве это не утомительно?»

Линь Цинью равнодушно сказал: «Ты спрашиваешь меня, кого спрашивать мне?»

«Тогда ты хочешь попробовать...»

Линь Цинью холодно прервал его: «Нет, я не хочу. Убирайся отсюда».

Наньань Хоу строго запретил предавать огласке их семейные скандалы. Тем не менее не было стены, которая не пропускала бы воздух, и новости о «великих достижениях» Лу Цяосуна просочились. Это стало темой праздных разговоров за чаем состоятельных людей столицы. Некоторые люди вздыхали, а другие смотрели на это с удивлением. В суде Наньань Хоу получал ветер, когда хотел ветра, и дождь, когда хотел дождя. Кто бы мог подумать, что в его внутреннем дворе будет такой отвратительный беспорядок? Теперь он даже не мог оставить потомков. Через много лет в будущем ему придется ломать голову над тем, кому оставить свое огромное семейное состояние.

Когда семья ветви клана Лу узнала об этом, у них начали появляться идеи. Согласно семейным правилам предков, если бы линия Наньань Хоу была прервана, ему пришлось бы усыновить сына из другой ветви семьи.

Наньань Хоу начал получать много писем от Линьяня, и это привело его в ярость. Двое его сыновей еще не умерли, и он сам еще жив. А эти родственники просто не могли дождаться, чтобы объявить его не имеющим потомства и не способным продолжить род!

После приступа гнева Наньань Хоу позвал Пань Ши и сказал: «Есть кое-что, что изначально должна была сделать Лян Ши, но ты сама понимаешь ее нынешнее состояние. Теперь она больше не в состоянии ни с чем справиться».

Как только Пань Ши получила приказ от мастера Хоу, то долго колебалась и отложила этот вопрос на несколько дней, прежде чем встретиться с Линь Цинью. Во-первых, она упомянула о том, что семья из ветви клана Лу приезжает в столицу – номинально, чтобы отдать дань уважения своим старейшинам во время приближающегося фестиваля середины осени. Но любой, обладающий проницательным взглядом, уже мог сказать, зачем на самом деле они приезжали.

«На этот раз в столицу приезжает семья старшего брата мастера Хоу. Говорят, что они привезут с собой много людей. Вероятно, во время этого фестиваля середины осени в резиденции будет очень оживленно».

Линь Цинью сказал: «Можешь самостоятельно решить вопросы приема гостей и обращения с ними, а также вопросы проведения праздника. Тебе нет необходимости спрашивать меня».

«Мастер Хоу сказал то же самое. — Пань Ши внимательно следила за его словами и выражением лица. — Он сказал, что его больше ничего не волнует, кроме того, чтобы оставить наследника для семьи Лу».

Линь Цинью поднял брови. Пань Ши почувствовала, что его поведение немного похоже на поведение молодого мастера Хоу. Конечно же, муж и жена, которые проводили время вместе, со временем начинают выглядеть все более и более похожими*.

[Примечание: Эта концепция основана на убеждении, что у пожилой пары развиваются сходства в чертах лица, или что общие черты лица указывают на предопределение пары вступить в брак.]

В глазах Линь Цинью можно было увидеть скрытый смысл, когда он сказал: «Так ты здесь, чтобы попросить у меня лекарство, которое поможет тебе забеременеть?»

Пань Ши была поражена, но тут же покраснела, забормотав: «ШАО-ШАОЦЗЮНЬ неправильно понял».

Линь Цинюй был равнодушен к таким вопросам: «В чем дело? Тебе только чуть за тридцать, а мастеру Хоу только за сорок. Если ты хорошо заботишься о своем теле, завести детей не составит труда».

Пань Ши, наконец, решилась и выпалила: «Шоуцзюнь, господин имел в виду, что, поскольку тело старшего молодого господина сейчас намного здоровее, он, возможно, сможет взять наложницу».

Линь Цинюй был слегка поражен. Затем он холодно усмехнулся и сказал: «Простите меня за откровенность, но вместо того, чтобы рассчитывать на него, было бы лучше, если бы сам мастер Хоу приложил усилия и дал ему больше младших братьев и сестер».

Переводчику есть что сказать:

Соленая рыба: Чего все так суетятся с этим грязным и утомительным делом?

ессо: Тебе придется умереть, чтобы понять это! В следующей жизни ты попробуешь «мяса», а в третьей жизни – полноценно «поешь»!

<http://bllate.org/book/15122/1336641>